

Кирчанов Максим Валерьевич

"ВОСТОК" И "ЗАПАД" В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-1930-Х ГОДОВ

Болгарские интеллектуалы между двумя мировыми войнами активно использовали концепты "Запад" и "Восток". Болгарские политические элиты воображали Болгарию как европейское государство. Европейские образы болгарскими авторами мифологизировались и идеализировались. Восток болгарскими авторами демонизировался и негативно идеализировался. Историки Болгарии полагали, что Греция и Турция были восточными и неевропейскими странами, которые содействовали ориентализации региона Балкан. Западно-восточные дебаты в Болгарии прекратились в середине 1940-х годов после советизации страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 108-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 821.162

Исторические науки и археология

Болгарские интеллектуалы между двумя мировыми войнами активно использовали концепты «Запад» и «Восток». Болгарские политические элиты воображали Болгарию как европейское государство. Европейские образы болгарскими авторами мифологизировались и идеализировались. Восток болгарскими авторами демонизировался и негативно идеализировался. Историки Болгарии полагали, что Греция и Турция были восточными и неевропейскими странами, которые содействовали ориентализации региона Балкан. Запад-но-восточные дебаты в Болгарии прекратились в середине 1940-х годов после советизации страны.

Ключевые слова и фразы: Болгария; интеллектуальная история; национализм; идентичность; концепты , Восток и , Запад.

Кирчанов Максим Валерьевич, д.и.н.

*Воронежский государственный университет
maksymkirchanoff@gmail.com*

«ВОСТОК» И «ЗАПАД» В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-1930-Х ГОДОВ[©]

Понятие «Европа» для болгарских националистов и интеллектуалов между двумя, а принцип политического национализма соотносился именно с Западом и европейским политическим опытом, основанным на противопоставлении Болгарии как Запада/Европы незападным стратегиям развития. В центре авторского внимания в настоящей статье – проблемы Европа и Востока в болгарской интеллектуальной традиции межвоенного периода.

Примечательно, что болгарские интеллектуалы делали выбор в пользу Европы и европейского/западного пути развития, в то время как США и американский опыт оценивались в определенной степени негативно, так как Соединенные Штаты воспринимались как новый почти всемирный Восток/Ориент, но Восток чрезвычайно экономически и технический развитый, где на смену простому и традиционному рабству пришло техническое рабство, важными элементами которого стали проституция и эротика, грозившие, по их мнению, поглотить славянство новым миром с новыми универсальными героями, такими как американски бандиты и американска блудница. С другой стороны, славянский тракторизированный восток [43], то есть Советская Россия, не воспринимался в качестве реальной альтернативы политического и культурного развития.

Политическая активизация болгарских элит в условиях европейского триумфа национализма, участие в Балканских войнах и в Первой мировой войне актуализировали проблему статуса Болгарии, вопросы ее принадлежности к Европе и места в рамках европейского культурного и политического пространства. Определяя место Болгарии в Европе, нанося и воображая ее на ментальных европейских картах, болгарские интеллектуалы эпохи классического модерна в его балканской (болгарской) версии сталкивались с многочисленными сложностями и проблемами психологического плана, связанными с развитием идентичности.

Болгарское интеллектуальное сообщество 1900-1910-х годов было подобно более поздним постколониальным социумам освободившихся стран Востока и Азии не только повышенным интересом к культуре Запада (в частности, к философии Ф. Ницше [13; 15; 37; 38; 39], А. Бергсона [11; 12; 30; 31], З. Фрейда [33], новейшей французской литературе [1; 5; 16; 17; 19; 20], актуальному межвоенному немецкому искусству [28], истории немецкой культуры и философии [16; 17; 23; 30; 31], конструктивизму [27; 32; 33], футуризму [6; 32] и пр.), стремлением трансплантировать и перенести ее формы и достижения на болгарскую почву, но и тем, что в его рамках (в 1920-1930-е годы) определенную роль играли носители транскультурных идентичностей – европейцы (в Болгарии, например, Макс Мецгер [18], являвшийся этническим немцем, сделал немало для приобщения болгарской культуры к европейским веяниям 1920-х годов) и местные националисты, которые закладывали основы новых современных наций.

В политическом и культурном лексиконе и воображении болгарских интеллектуалов 1920-1930-х годов слова «Болгария» и «Европа» были почти идентичны, хотя оппозиции по принципу «славянское»/«неславянское» (например, романское [14]) сохраняли свою актуальность. Пути возвращения болгар в Европу и уход с Востока лежали через поиски себя и своего места в Европе – Европа превратилась в то пространство, в пределах которого начали формироваться новые болгарские культурные и интеллектуальные практики [2]. Возвращение на Окцидент в случае болгарского постколониализма стало разрывом с Ориентом, что было осложнено отношением европейских интеллектуалов к Болгарии, в которой нередко видели полуварварскую и полудивильзованную периферию [9]. Вытеснение Ориента стало утверждением в болгарском культурном дискурсе Окцидента. Восприятие Болгарии как Ориента было вызвано, по мнению болгарской исследовательницы Р. Заимовой [8], и тем, что культурные границы Европы оформились в период активного роста Османской империи, то есть на том этапе, когда Болгария была фактически исключена из европейского культурного и политического пространства.

Асен Златаров [10] в 1926 году, акцентируя внимание на развитых культурных связях с Западом, увлеченности болгарских интеллектуалов культурными тенденциями и веяниями, которые достигали Софии из Берлина и Парижа, указывал на то, что именно культура должна стать парадигмой развития Болгарии, основой ее возвращения с европейской балканской периферии (оторванной и отторгнутой османским завоеванием) в историческую Европу. Универсальным механизмом, который применялся при реализации подобных культурных практик, в Болгарии стал национализм. Под влиянием объективных политических сложностей, с которыми к началу 1920-х годов, после не совсем удачного военного опыта, столкнулась Болгария, именно национализм стал определять основные векторы и траектории развития интеллектуального сообщества. Национализм содействовал трансформации идентичности, актуализируя концепт национального государства, государства-нации, Болгарии как именно болгарского государства.

Особую роль в формировании и развитии комплекса европейских нарративов сыграл Петар Мутафчиев (Петър Мутафчиев) [24; 25; 26], которым в середине 1920-х годов была предпринята одна из первых попыток в болгарской историографии научного сравнения специфики исторического развития Востока и Запада, за что в НРБ он был подвергнут демонизации как «буржуазно-идеалистический» и «реакционно-фашистский» фальсификатор [29]. Анализируя феномен Европы, П. Мутафчиев указывал на то, что Европой нередко ограничивают не все земли, которые в географическом отношении образуют европейский материк, а только те из них, где живут так называемые романо-германские народы. При этом, по мнению П. Мутафчиева, подобное восприятие основано на излишнем европоцентризме и игнорировало тот фактор, что на протяжении длительного времени Европа пребывала на периферии развития. Кроме этого, в контекст европейской истории Средних веков П. Мутафчиев пытался интегрировать и Византию (хотя и указывал на то, что та пала под натиском «азиатского Востока»), что было не так просто, если принять во внимание наличие значительного числа греческих нарративов в болгарской идентичности, которые содействовали формированию негативного образа Византии.

Болгарские авторы, отталкиваясь от признания особого географического балканского положения страны, жонглируя теориями о «славянском» и «скифском» [36] происхождении болгар и, соответственно, характере болгарской культуры и сетуя на то, что национальная интеллигенция только «поверхностно знакома с западной культурой» [11; 12], полагали, что освободившаяся, но униженная Болгария, которой не дали возможности объединить все территории, которые воображались как болгарские, должна синтезировать традицию (славянство) с новейшими достижениями Запада. Болгарские интеллектуалы 1920-х годов в определенной мере фактически предвосхитили гуманитарные практики и искания восточных интеллектуалов в рамках феномена, который в конце 1970-х годов станет известен как «постколониализм». В болгарском интеллектуальном пространстве 1920-1930-х годов одинаковой популярностью и востребованностью пользовались три концепта – концепт национализма (с вытекающей идеей нации и воображаемой, конструируемой Родины), концепт Запада, к которому следовало приближаться или куда надлежало вернуться, и концепт Другости, воплощением которой стал негативный опыт фактической ориентализации Болгарии, ее принудительного, вызванного внешними факторами, отторжения от Европы и пребывания в составе Османской империи. В подобной ситуации болгарские интеллектуалы охотно примеряли на себя маски и одеяния жертвы, нацимученицы, колонизируемого пространства – то есть те социальные и культурные образы, которые в 1980-е годы стали центральными в постколониальном анализе.

Формирование подобных нарративов в болгарском интеллектуальном нарративе было маловероятно без развития концептов Инаковости, которые имели принципиальное значение для утверждения образа Болгарии как жертвы, освобожденной страны, реципиента западной культурной традиции, то есть тех образов, которые начиная с конца 1970-х годов определили траектории и направления развития постколониального анализа. В болгарской интеллектуальной традиции Болгария воспринималась как Окцидент, лучшими кандидатами на статус Ориента и, соответственно, исторического оппонента, врага и противника были не соседние Сербия и Румыния [22], а Османская империя (позднее – Турция) и Греция [4]. Отрицательное отношение к грекам стимулировалось исторической памятью и активностью болгарских националистически ориентированных интеллектуалов. В частности, П. Славейков создал весьма негативные и непривлекательные образы греков: «... цар Василий Византиец, царя-българоубиец... де кого сварят, убиват, градове паят и грабят, а села пленят и харат...» [38, с. 28].

Негативное отношение к Греции проявилось в период Первой мировой войны [7; 34; 35], когда болгарские интеллектуалы приложили значительные усилия для ментальной ориентализации соседней, православной страны. В частности, в 1918 году С. Бобчев выступил с докладом с весьма показательным названием «Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни» [3]. Вероятно, С. Бобчев не был первым форматором образа Византии как восточной страны. Примечательно, что еще один из крупнейших деятелей болгарского националистического движения Л. Каравелов использовал почти постколониальный термин «турско-византийската цивилизация» [40], а основные расхождения между Западом и Востоком болгарскими интеллектуалами связывались с религиозной, исламской или христианской, принадлежностью. Болгарские интеллектуалы не упускали всякого удобного случая, дабы предъявить свои исторические претензии к греческому миру, который они были склонны обвинять в ориентализации Балкан. Найден Шейтанов писал о «византийщине» как чрезвычайно негативном факторе в болгарской истории, который деформировал развитие болгарской идентичности, в первую очередь – сексуальности, содействуя более позднему «фарисейскому отрицанию сексуального фольклора, в то время как наша неофициальная балканская душа его жадно сберегает» [41].

Между двумя мировыми войнами к греческой тематике периодически обращался и П. Мутафчиев [24; 25], который полагал, что византийское влияние на некоторые славянские народы имело исключительно негативный характер. Анализируя политику Византии в отношении Сербии и русских земель, П. Мутафчиев высказывал мнение, что именно греческое влияние существенно ослабило эти группы, разрушило их адаптивный потенциал и не позволило им трансформироваться в более сложные социальные сообщества. Византия, по мнению П. Мутафчиева, видела в балканских славянах исключительно противников и относилась к ним как к враждебной культуре – поэтому реакция против византизма воспринималась болгарскими историками как позитивное явление, направленное на защиту не только славянского характера Болгарии, но и ее права быть независимой составной частью Европы и Запада, а не Византии, как общества, склонного к ориентализации и постепенной деградации в Восток, трансформации в Азию.

Важнейшим препятствием на пути к культурной и ментальной европеизации болгарского исторического и политического опыта оказался период османского владычества, который болгарскими интеллектуалами оценивался крайне отрицательно, воспринимаясь как время утверждения феномена, определяемого ими как расова вавилония на Балканския полуостров [42]. Именно с этой вавилонией в болгарской идентичности соотносились негативные образы Востока/Азии, которые и актуализировали стремление к деориентализации. В болгарской национальной историографии практически с самого начала утвердился антиосманский нарратив, который нередко сводился к доказательству чуждости всего турецкого как восточного/азиатского в Болгарии, воображаемой как европейская/западная страна. В частности, в культивировании подобного мифа и фактически в процессе деориентализации болгарской истории отметился и один из ведущих межвоенных болгарских интеллектуалов П. Мутафчиев [26], усилиями которого получил развитие нарратив об автохтонности болгар на Балканском полуострове и чуждости, пришлости тюркского населения.

Таким образом, расправа с инокультурными и чуждыми группами, универсальными Другими, болгарскими политическими элитами была решена относительно быстро: мусульмане составили маргинализованное, непризнаваемое и почти невидимое меньшинство, а этнические турки были вынуждены покинуть в своем большинстве территорию Болгарии, которая сознательно политическими и интеллектуальными элитами воображалась и конструировалась в качестве болгарского национального и, как следствие, гомогенного государства. При этом болгарские интеллектуалы стремились синтезировать политический и этнический национализм элит с собственным культурным национализмом, полагая, что новая современная болгарская культура, которая будет базироваться на европейских основаниях, станет основой развития идентичности при условии полной ликвидации восточных комплексов в болгарской идентичности.

В рамках интеллектуальных дискуссий в межвоенный период болгарские интеллектуалы подвергли значительной ревизии национальную идентичность, что привело к ее деориентализации, выдавливанию восточных мотивов из болгарской национальной памяти. Интеллектуальными ориентирами для болгарских авторов были Европа и Россия, которая постепенно утратила свою актуальность и привлекательность, что связано со взрослением болгарской интеллигенции, которая в большей степени начинала разделять позиции болгарского национализма, связанные с концептами Великой Болгарии как освобожденной Европы и потенциального политического центра Балкан. Таким образом, болгарские авторы в 1920-1930-е годы предложили несколько концептов, применив их к изучению истории собственной страны, которые в конце 1970-х годов составили основу постколониального анализа. Эти концепты сводились к попыткам доказать равенство болгарской культуры в сравнении с европейской, перенеся при этом на территории Болгарии западные политические и экономические институты и отношения, несмотря на то, что общий уровень развития страны слабо соотносился с этими новыми веяниями. Дискуссии между болгарскими интеллектуалами 1920-1930-х годов и более поздним постколониальным анализом сближает и то значительное внимание, которое уделялось проблемам Запада и Востока. Если первый позитивно идеализировался, то второй использовался для националистического мифотворчества и конструирования образов Другого. При этом задача проследить непосредственные генетические связи между болгарской и западной постколониальной историографией на современном этапе продолжает оставаться нерешенной, что придает изучению этой проблематики в дальнейшем определенную актуальность. Кроме этого, опыт болгарской историографии сохраняет определенную актуальность и в рамках современной российской историографической ситуации, так как демонстрирует различные возможности актуализации предшествующей историографической традиции для решения задач, стоящих перед научным сообществом на современном этапе.

Список литературы

1. **Андрейчин И. С.** Морис Метерлинк и декаденството в литературата // Мисъл. 1899. № 1.
2. **Аретов Н.** Българското възрожденско възприемане на европейските литератури и проблемът за балканската културна общност // Литературно-естетически процеси на Балканите. София, 1994. С. 122-139.
3. **Бобчев С.** Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни // Списание на Българската академия на науките. 1921. Т. 11. С. 187-238.
4. **Велкова С.** Самоидентификация между Изтока и Запада: гръцките характеристики на балканския феномен в края на XIX и първата половина на XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgic18.com/occidentalism/velkova.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
5. **Грозев И.** Шарл Бодлер. Публична беседа // Хиперион. 1923. Кн. 3.
6. **Дановски Б.** Футуризм // Хиперион. 1922-1923. Кн. 6-7.

7. **Димитрова Сн.** , Моята земяѝ , моята сценаѝ , моето пробужданеѝ: фигуративните преживявания на природата по време на Голямата война (1914-1918) и българската модерност // Критика и хуманизъм. 2000. № 2. С. 205-213.
8. **Займова Р.** Паметта на Европа – българският случай [Електронный ресурс] // Научна конференция , Пари, думи, паметѝ (3-4 април 2003 г.). URL: <http://bulgc18.com/pari/zaimova.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
9. **Займова Р.** , Цивилизация и варварствоѝ и образѝт на българина (19 в. – началото на 20 в.). [Електронный ресурс]. URL: <http://bulgc18.com/modernoto/rzaimova.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
10. **Златаров А.** Културността в служба на Родината // Изток. 1926. № 42.
11. **Илиев А.** Изкуство // Стрелец. 1927. 21 април.
12. **Илиев А.** Процепи в народната ни психика: културно-исторически очерк // Училищен преглед. 1939. № 1. С. 48-61.
13. **Казанджиев С.** Българските преводи на , Гѝй рече Заратустраѝ // Златорог. 1920. № 1.
14. **Кръстев К.** Романски или славянски футуризм? // Стрелец. 1927. Год I. 16 юни. Бр. 11-12.
15. **Кьорчев Д.** Един популяризатор на Нитше // Наш живот. 1906. Кн. 3.
16. **Лилиев Н.** За шестима великани // Звено. 1914. Кн. 2-3.
17. **Лилиев Н.** Райнер Мария Рилке // Златорог. 1924. № 6-7.
18. **Мецгер М.** Изкуство – индивидуалност – индивидуализъм // Пламък. 1924. Кн. 3.
19. **Милев Г.** Артюр Рембо // Везни. 1921-1922. Кн. 20.
20. **Милев Г.** Стефан Маларме // Везни. 1919-1920. Кн. 7.
21. **Мишкова Д.** Балкански визии за Европа през деветнайсети век: канали на културен пренос и интелектуален контекст [Електронный ресурс]. URL: <http://bulgc18.com/occidentalism/Mishkova2.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
22. **Мишкова Д.** Приспособяване на свободата. Модерност – легитимност в Сърбия и Румъния през XIX в. София, 2001. 242 с.
23. **Мутафов Ч.** Експресионизмѝт в Германия // Демократически преглед. 1924-1925. Кн. 9-10.
24. **Мутафчиев П.** Изток и Запад в европейското Средновековие // Годишник на Софийския Университет. Историко-филологически факултет. 1925. Кн. XXI. Т. 2. С. 127-157.
25. **Мутафчиев П.** Кѝм философията на българската история. Византизъмѝт в средновековна България // Философски преглед. 1931. Год III. Кн. 1.
26. **Мутафчиев П.** Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. [Електронный ресурс]. URL: <http://www.promacedonia.org/pm3/> (дата обращения: 14.01.2015).
27. **Обретенев А.** Конструктивизъм // Хиперион. 1930. Кн. 9-10.
28. **Перфанов И.** Новото немско изкуство // Златорог. 1924. № 1.
29. **Петров П.** Буржоазно-идеалистическите и реакционно-фашистките възгледи на проф. Петър Мутафчиев // Исторически преглед. 1950-1951. Т. 4-5. С. 393-425.
30. **Попдимитров Е.** Бергсон. Философия на интуицията // Хиперион. 1922. Кн. 4-5.
31. **Попдимитров Е.** От натурализъм кѝм символизъм // Листопад. 1924. 1925. Кн. 2.
32. **Райнов Н.** За футуризма // Литературни новини. 1928. Год II. Бр. 5. 28 октомври.
33. **Райнов Н.** От кубизма до конструктивизма // Златорог. Год XV. 1934. Кн. 4.
34. **Русев Л.** Войната като влечение кѝм смъртта и сродяване с ужаса // Философски преглед. 1935. № 5.
35. **Русев Л.** Художествената литература и психоанализата // Листопад. 1932-1933. Кн. 4-5.
36. **Савов Б.** Скитско и славянско в българската литература // Хиперион. 1924. Кн. 4-5.
37. **Славейков П.** Заратустра // Златорог. 1920. № 7.
38. **Славейков П.** Кракра Пернишки // Славейков П. Съчинения. София, 1978. Т. 1.
39. **Славейков П.** Фридрих Нитче. Литературна бележка // Мисъл. 1903. Кн. 8.
40. **Чернокожев Н.** Залези и Запади или окцидентализъм vs ориентализъм [Електронный ресурс]. URL: http://bulgc18.com/occidentalism/Chernokgeev_BG.htm (дата обращения: 14.01.2015).
41. **Шейтанов Н.** Духѝт на отрицание у българина // Философски преглед. 1933. № 2.
42. **Шейтанов Н.** Сексуалната философия на българина // Философски преглед. 1932. № 3.
43. **Янев Я.** Изток или Запад // Златорог. 1933. № 4. С. 174-180.

“EAST” AND “WEST” IN THE BULGARIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1920-1930S

Kirchanov Maksim Valer'evich, Doctor in History
Voronezh State University
maksymkirchanoff@gmail.com

The Bulgarian intellectuals in the period between the two world wars actively used the concepts „West” and “East”. The Bulgarian political elites imagined Bulgaria as a European state. The European images were mythologized and idealized by the Bulgarian authors. The East was demonized and negatively idealized by the Bulgarian authors. The historians of Bulgaria considered Greece and Turkey to be eastern and non-European countries, which promoted the orientalization of the Balkan region. Eastern – Western debates in Bulgaria ended in the middle of the 1940s after the Sovietization of the country.

Key words and phrases: Bulgaria; intellectual history; nationalism; identity; concepts “East” and “West”.